

Часть 2

Первые шаги (1953–1955)

1953 год

Сталин умер

В 21 час 50 минут 5 марта 1953 года Сталина не стало, в стране началась новая эпоха. Собственно, она наступила даже несколько раньше, с 29 февраля, с первого дня его болезни, и врачи, и соратники понимали: Сталин больше не жилец, и начинали приноравливаться к жизни без него. Члены Бюро Президиума ЦК,¹¹ как вспоминал отец, попарно дежурили на Ближней даче в Волынском: Берия с Маленковым – днем, а по ночам Каганович с Первухиным, Ворошилов с Сабуровым, отец с Булганиным. Последние, в меру досаждая врачам вопросами, отсиживали свои часы у постели умирающего, а вот Берия времени попусту не терял. Он то и дело уводил Маленкова на пустовавший, когда-то построенный для вышедшей замуж дочери Сталина Светланы, второй этаж. Там, в затхлых, давно не проветривавшихся комнатах, решалась судьба страны. Главные определяющие – так отец охарактеризовал Берию и Маленкова.

Уже 3 марта, когда не осталось никаких сомнений, что Сталин фактически, пусть не физически, но политически мертв, Берия с Маленковым наконец-то собрали Бюро Президиума ЦК, предложили опубликовать сообщение о его болезни, начав тем самым готовить народ к неизбежному. Одновременно договорились созвать на следующий день Пленум ЦК и утвердить на нем новое распределение ролей, которое еще предстояло выработать.

К 3 марта в высшем руководстве определились две центральные фигуры: явная – Берия и потенциальная – Хрущев. Между ними – слабовольный Маленков, последние дни склонявшийся на сторону Берии. Основным, хотя и весьма относительным союзником отца можно назвать пассивного Булганина. Они сдружились еще в тридцатые годы, когда Булганин возглавлял Моссовет, а отец – Московские обком и горком партии.

Остальные члены Бюро Президиума ЦК, в том числе попавшие в сталинскую опалу, но пока еще не растерявшие ореола вождей: Ворошилов и Молотов с Микояном, довольствовались ролью статистов. Молотова Сталин записал в американские шпионы, Ворошилов числился в английских, чей шпион Микоян, вождь пока не решил.

Берия не сомневался, что Анастас Микоян, Лазарь Каганович, Максим Сабуров и Михаил Первухин без колебаний поддержат победителей, первые два – по складу своего характера, остальные – в силу неустойчивости положения, они только обживались в высшем ареопаге страны. Ворошилова же в расчет не принимали уже давно.

Итак, получив от товарищей формальное «добро», Берия с Маленковым весь вечер 3-го и утро 4 марта на втором этаже сталинской дачи кроили и перекраивали состав нового руководства страны, нового Президиума ЦК, нового правительства. К ими же назначенному

¹¹ 16 октября 1952 года, сразу после окончания XIX съезда партии, Пленум ЦК по предложению Сталина избрал Президиум из двадцати пяти членов и одиннадцати кандидатов, в три раза больший, чем в предыдущие годы. В него вошли в основном ранее со Сталиным тесно не общавшиеся, пока еще только кандидаты в лидеры. Сталин задумал смену «караула», решил убрать свидетелей его личного позора, поражений первых дней войны, устроить новый набор. Однако изрядно одряхлевший Сталин почему-то не захотел расширять круг доверенных лиц и учредил не предусмотренное уставом Бюро Президиума ЦК в составе самого себя, Берии, Молотова, Булганина, Кагановича, Сабурова, Хрущева, Ворошилова и Первухина, обладавшее в стране верховной властью.

сроку они не успевали и под предлогом, что не все члены ЦК успеют добраться до Москвы, а Сталин еще дышит, перенесли заседание Пленума ЦК с 4 на 5 марта. Никто не возразил.

Днем 4 марта, во время своего дежурства, Маленков вызывал на дачу Сталина заведующего своим секретариатом А. М. Петраковского и продиктовал ему состав Президиума ЦК и Совета Министров. Отпечатанные в Кремле бумаги просмотрел Берия и додиктовал Маленкову последние изменения. Маленков аккуратно записал, как он привык записывать за Сталиным. Министр внутренних дел Н. П. Дудоров на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС сообщил, что при обыске сейфа бывшего помощника Маленкова Суханова, арестованного по уголовному делу о хищении облигаций выигрышного займа, в числе других бумаг они обнаружили, написанные от руки почерком помощника Маленкова, Петраковского, списки будущего руководства страны с собственноручными поправками Маленкова.

Думаю, что Берия неслучайно избрал сталинскую манеру диктовать Маленкову. Тем самым он расставлял акценты, определял, кто есть кто. Он уже ощущал себя властителем страны и одновременно понимал, что ему, человеку из органов, да еще кавказцу, сразу претендовать на высшие посты в государстве и партии не то чтобы опасно, но преждевременно. Всею свое время. Во главе правительства пока постоит Маленков. После того как Сталин поручил Маленкову сделать за себя отчетный доклад на XIX съезде партии, последний обрел статус наследника. Вот пусть и наследует, никто в Президиуме и на Пленуме ЦК против воли Сталина не пойдет. В том, что Георгий Максимилианович, «Егор», будет следовать за ним как нитка за иголкой, Берия не сомневался. Более удобного главы правительства и представить себе невозможно.

Итак, из двух сил, двух политических фигур – отца и Берии – Маленков выбрал ту, что ему казалась посильнее, хотя он понимал: один неверный шаг и Лаврентий Павлович сотрет его «в лагерную пыль».

Берия рассчитал все. Булганина они сделают министром Вооруженных сил, там он не навредит, да и маршалы его не уважают. Молотов, Микоян, Каганович останутся заместителями у Маленкова, на вторых, но почетных ролях. Сабурова с Первухиным Берия в расчет не брал, их имена у народа не на слуху. В общем, картина вырисовывалась стройная, если бы не Хрущев. Его следовало нейтрализовать. Отношения у отца с Берией внешне складывались дружеские, но только внешне. После смерти Сталина они неизбежно становились соперниками. Оба это хорошо понимали.

Открыто выступить против отца Берия пока опасался и решил предложить ему второй, оставшийся вакантным, высший пост секретаря ЦК КПСС. Правда, формулировку Берия сочинил с подвохом, отец и так числился секретарем ЦК. На XIX съезде Сталин упразднил в ЦК должность генерального, или первого секретаря, «демократично» заметив, что в секретариате все на равных. Но отец – не Сталин, и за лидерство ему еще предстояло побороться. До сегодняшнего дня он только числился секретарем ЦК, а работал в Московском комитете. Теперь отцу, согласно предложению Берии, предлагалось «сосредоточиться» на работе в ЦК, одновременно уйти из МК и МГК и тем самым «потерять» Москву. А в условиях нестабильности в высшем руководстве страной контроль над столицей ох как важен. Кто владеет Москвой, в конце концов подчинит себе и Россию. К тому же, своих людей у отца среди секретарей ЦК пока не имелось. Подбор Секретариата Берия с Маленковым оставили за собой. Более того, на заседаниях Президиума ЦК, по предложению Сталина, с недавнего времени председательствовал глава правительства. При таком раскладе влияние отца, по крайней мере на первых порах, не только не возрастало, а наоборот уменьшалось. Пока он обоснуется на новом месте, начнет прибирать к своим рукам людей, драгоценное время и утечет, а вместе с ним утечет и реальная власть.

Мне представляется, что в обстоятельствах неуверенности и спешки тех дней, невозможности коренных перемен, Берия рассчитал все идеально. Активность Берии очень бес-

покоила отца, но что он мог поделаться? Берия его опередил, и опередил не сегодня. Свои отношения с Маленковым он выстраивал все последние годы. Тандем Берия-Маленков образовался еще полтора десятка лет назад, до войны.

Владимир Михайлович Шамберг, зять Маленкова, сын его ближайшего друга и заместителя в ЦК ВКП(б) Михаила Абрамовича Шамберга, внук Соломона Абрамовича Лозовского (С. А. Дризо), члена ЦК, начальника Совинформбюро, заместителя министра иностранных дел, в 2004 году рассказывал мне, что Георгий Максимилианович и Лаврентий Павлович нашли друг друга в августе 1938 года сразу после перевода Берии в Москву заместителем наркома внутренних дел. Они окончательно «сдружились» 10 апреля 1939 года, когда вместе по приказу Сталина «брали» в кабинете Маленкова, вызванного «на разговор» в ЦК, еще недавнего прямого начальника и Берии, и Маленкова, секретаря ЦК и наркома внутренних дел Николая Ивановича Ежова. До 10 марта 1939 года в этом цековском кабинете сидел сам Ежов. Маленков в нем только начинал обживать. В секретари ЦК его избрали вслед за освобождением Ежова от этой должности 22 марта. Сталин нервничал. Он всегда нервничал, когда арестовывали кого-либо, кто, пусть чисто теоретически, мог арестовать его самого.

Отец в тот день ужинал у Сталина. Он заметил, что хозяин дома то и дело поглядывал на телефон. Наконец раздался звонок, Сталин вышел из-за стола и взял трубку. Не перебивая, выслушал говорившего и с видимым облегчением произнес в ответ пару слов, что-то вроде: «Да, хорошо». Вернувшись к гостям, он подчеркнуто равнодушно проинформировал: «Звонил Берия. Все в порядке, Ежова арестовали, сейчас начнут допрос».

С того дня Сталин приблизил к себе Берию и Маленкова. Перед войной, по мнению Шамберга, они, не будучи даже членами Политбюро ЦК, стали по существу самыми влиятельными людьми в сталинском окружении. И тем не менее, по свидетельству Микояна: «Маленков очень боялся Сталина и, как говорится, готов был разбиться в лепешку, чтобы неукоснительно выполнить любые его указания...»

Когда Сталин говорил что-то, он немедленно доставал из кармана френча записную книжку и быстро-быстро записывал указания товарища Сталина».

С началом войны Сталин ввел их обоих в состав Государственного Комитета Оборона, неконституционного властного органа, стоявшего над правительством и даже над Политбюро ЦК. Маленков цепко держался за Берию, а Берия, в свою очередь, поддерживал Маленкова и до войны, и в войну, и после нее.

Несколько слов о семье Шамбергов. Шамберг-старший вступил в партию в 1917 году пятнадцатилетним юношей. После Гражданской войны учился вместе с Маленковым в Московском высшем техническом училище имени Н. Э. Баумана, там они не просто дружили, но и сотрудничали в парткоме училища. В 1925 году, отучившись всего год, Шамберг вернулся к партийной работе сначала в Туле, а затем в Одессе. Маленков остался в Москве. В 1930 году Каганович взял его в Московский Городской Комитет партии заведующим отделом, а уже в 1934 году Маленков возглавил «ежовский» отдел руководящих партийных органов в ЦК ВКП(б). В начале 1936 года он пригласил Михаила Абрамовича Шамберга к себе первым заместителем.

Летом 1945 года, еще студентом, тогда ему исполнилось 19 лет, Владимир Михайлович Шамберг женился на дочери Георгия Максимилиановича Воле. Воля Маленкова и Володя Шамберг знали друг друга с шестнадцати лет, и женитьба стала естественным завершением их совместного времяпрепровождения. Молодой Шамберг переехал к Маленковым, они жили с родителями жены в квартире на улице Грановского, выходные проводили на даче Маленкова.

В начале 1946 года над головой Георгия Максимилиановича сгустились тучи. В апреле 1946 года Сталин арестовал, а 10–11 мая Военная коллегия Верховного суда СССР осудила

на значительные сроки Главнокомандующего военно-воздушных сил маршала Александра Александровича Новикова, министра Авиационной промышленности Алексея Ивановича Шахурина, а вместе с ними их заместителей и еще много других «виновных (как записал Сталин в решении Политбюро ЦК) в протаскивании на вооружение заведомо бракованных самолетов и моторов, крупными партиями, по прямому сговору между собой, что приводило к большому количеству аварий и катастроф, гибели летчиков».

Рикошетом «дело авиаторов» ударило по Маленкову. Во время войны в Государственном Комитете Обороны он надзирал за авиационной промышленностью. В апреле 1946 года его, всего месяц назад, 18 марта, избранного на Пленуме ЦК одновременно в Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК (такой чести в советском руководстве удостоивались еще только два человека – сам Сталин и его правая рука Андрей Александрович Жданов), убрали из секретарей ЦК и оставили вообще не у дел. 4–6 мая 1946 года Сталин подтверждает свое решение формальным опросом членов Центрального Комитета. Естественно, все проголосовали «за».

В начале мая обеспокоенный Лозовский позвал к себе внука и под большим секретом показал ему только что доставленное Постановление ЦК об отстранении Маленкова от должности Секретаря ЦК за потворство бракоделам-авиаторам. Сформулировано оно лично Сталиным в тонах, не суливших Маленкову ничего хорошего: «Установлено, что т. Маленков как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов – над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б)».

– Вы должны подготовиться, – посоветовал Шамбергу Соломон Абрамович.

К чему следует готовиться, Лозовский хорошо знал, а Володя, несмотря на свою молодость, догадывался.

– Маленков все последующие дни просидел на даче, – рассказывал мне Шамберг. – Я встречался с ним там ежедневно. Правительственную почту ему не доставляли, на работу Георгий Максимилианович не ездил. Видимо, ждал ареста.

По Москве тем временем поползли слухи: Маленкова сослали в Среднюю Азию. Дошли они и до работавшего на Украине отца. Он им поверил и даже повторил, правда, с оговоркой, в своих воспоминаниях. Да и как не поверить – в ЦК Маленкова нет, у Сталина на обедах он не появляется, имя его там стараются не упоминать.

Но Маленкова не арестовали и не сослали, на выручку ему пришел Берия. Сталин поручил ему руководство спецкомитетом по разработке ядерного оружия. Для Иосифа Виссарионовича не было тогда важнее дела в стране. Берия исподволь внушил Сталину, что, хотя Маленков и проштрафился, но вина его в прошлом, а сейчас он, его опыт, оказались бы полезными, ему стоит поручить координировать работы в родственном спецкомитете по радиолокации и ракетам. Сталин согласился.

Без работы Маленков просидел чуть больше месяца. Уже 13 мая 1946 года его назначили председателем Спецкомитета по реактивной технике, а 10 июля еще и председателем комиссии по радиолокации. Однако в Секретариат ЦК Маленков не вернулся. 2 августа 1946 года Сталин сделал его заместителем главы правительства, своим заместителем. Опала закончилась, и Маленков знал, благодаря кому.

В январе 1949 года наступила пора испытаний теперь уже для Соломона Абрамовича Лозовского. Сталин обвинил его в связях с американцами и сионистами. Разбираться с Лозовским Сталин поручил Маленкову.

– Когда я, – Владимир Шамберг продолжал рассказ, – уже не студент, а аспирант Института экономики Академии наук СССР, в начале января вернулся домой на улицу Грановского, горничная вручила мне запечатанный конверт.

Это оказалось письмо от Володиной жены Воли. Она писала, что они больше никогда не увидятся и должны расстаться. В квартире он не застал ни Воли, ни кого-либо еще из Маленковых (по словам Шамберга, она отсиживалась этажом выше, в квартире Хрущевых, у своей подруги Рады). Володя не понимал, что же произошло, жили они мирно, без скандалов. Володя безропотно подчинился, положил в карман паспорт с партийным билетом и уехал к родителям. Оттуда попытался дозвониться до Воли, но разговора не получилось. Как ему помнилось, Воля почти истерически прокричала какие-то обидные слова и, не дожидаясь ответа, бросила трубку.

Володя рассказал о постигшем его горе родителям. Отец не удивился, ему уже звонил Маленков и, не приводя никаких разумных причин, упрашивал помочь развести детей. Так всем будет лучше.

— Зачем-то ему это нужно, а зачем, мы скоро узнаем, — заметил в задумчивости Михаил Абрамович и попросил Володю не сопротивляться, сделать все, что его просят. Иначе может обернуться намного хуже.

Тем временем раздался звонок в дверь — это охранники Маленкова привезли Володиные вещи. Прихожую квартиры Шамбергов в цеховском доме № 19 по Староконюшенному переулку, завалили книгами, а рядом поставили два чемодана с одеждой.

На следующий день, 12 января 1949 года, к Шамбергам заехал полковник Владимир Георгиевич Захаров, начальник охраны Маленкова, и отвез Володю в Московский городской суд, где его, в нарушение всех предусмотренных законом процедур, в отсутствие Воли, без судебного заседания, развели и тут же отобрали паспорт. Вскоре ему вручили новый, «чистый» паспорт, не только без записи о разводе с Волей, но без каких-либо следов заключения брака с ней.

Полковник Захаров попытался успокоить вконец расстроенного и растерянного Володю, посоветовал не расстраиваться, человек он образованный, молодой, а на Воле свет клином не сошелся. Все образуется. Володя согласно кивал головой, но так и не понял, откуда на него свалилась эта напасть.

Все прояснилось на следующий день. 13 января 1949 года Маленков вызвал в свой кабинет члена ЦК партии Лозовского, обвинил его в заговоре с целью создания в Крыму еврейской автономии, а также в шпионаже в пользу американцев. 18 января Лозовского исключили из партии. 26 января арестовали. Но теперь, после развода, уже никто не смел упрекнуть Маленкова в родстве с «врагом народа». Любопытное совпадение. Тогда же, в январе 1949 года, начало раскручиваться и так называемое «Ленинградское дело»: то ли Берия с Маленковым руками Сталина, то ли Сталин с их помощью избавлялись от секретаря ЦК Алексея Александровича Кузнецова и заместителя Сталина по правительству Николая Алексеевича Вознесенского. Историки до сих пор спорят, кто же первым сказал «а». Документов почти не сохранилось, в таких делах ни Сталин, ни Берия с Маленковым не доверяли бумаге. Все важные распоряжения отдавали устно и так же устно докладывали Сталину об исполнении. И надо же такому случиться! На 15 февраля 1949 года назначили свадьбу сына Анастаса Ивановича Микояна Серго и дочери Кузнецова Аллы. Они, как и Воля с Володей, знали друг друга с детства, учились в одной школе, в одном классе, и теперь решили пожениться. Чем грозило родство с «бывшим членом ЦК, замешанным в антипартийные действия», Анастас Иванович понимал не хуже Георгия Максимилиановича, но противиться заключению брака своего сына с дочерью потенциального «врага народа» не стал. Более того, он позвонил Алексею Александровичу и настойчиво приглашал его приехать к нему на дачу, поучаствовать в торжестве. Кузнецов вежливо отказывался. Он тоже знал, чем все это может обернуться для Микояна.

13 августа 1949 года Кузнецова вместе с Родионовым и Попковым арестовали в кабинете Секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова.

Я привел только два эпизода. За двенадцать лет сотрудничества Берия и Маленков провели множество «совместных операций». Так что их тандем в марте 1953 года опирался на глубокие корни. Они действовали согласованно, напористо и без каких-либо сомнений в том, что власть в стране уже принадлежит им.

4 марта напряжение достигло своего апогея, стало окончательно ясно, что Берия с Маленковым вот-вот преподнесут остальным членам руководства готовое решение. Решение их судеб. Только тогда отец наконец-то осторожно поделился опасениями с Булганиным: если после смерти Сталина Берия подомнет под себя госбезопасность, мы все пропали. Булганин обреченно согласился. Отец попытался поговорить и с Маленковым. Естественно, по секрету от Берии. Все утро 4 марта старался улучшить подходящий момент, но остаться наедине не удавалось, Берия не спускал глаз с Маленкова ни на минуту. Так ничего не добившись, уставший после ночного дежурства отец уехал домой, принял снотворное и заснул. Он отловил Маленкова только после обеда, когда вернулся в Волынское на очередное дежурство.

На предложение отца обсудить, как жить после смерти Сталина, Маленков отреагировал с необычной для его характера решимостью: «А что сейчас говорить? Съедутся все, и поговорим».

Отец поинтересовался, кто съедется, кто эти все. Маленков пояснил, что пока тот отсутствовал, они с Берией договорились провести новое совещание Президиума ЦК. Время не терпит, Сталину становится все хуже, надо договориться, как быть дальше.

Собрались не в Волынском, а в Кремле, в кабинете Сталина. Маленков пригласил не избранный на XIX съезде «большой» Президиум и, даже не придуманное Сталиным «бюро», а «группу товарищей». Будущее страны предстояло решить Берии с Маленковым, отцу, Булганину, Молотову, Кагановичу, Ворошилову и Микояну. Не могу сказать, позвали ли Сабурова с Первухиным, а если не позвали, то почему? Почему не позвали «молодых» членов высшего руководства страны, понятно: на этом заседании Берия хотел определиться с будущей властью, двадцать пять человек, да еще не притершихся друг к другу, для такого дела многовато.

После краткой информации медиков о практически безнадежном положении Сталина инициативу взял в свои руки Берия. Он предложил возложить исполнение обязанностей главы правительства на Маленкова и, не дожидаясь реакции присутствовавших, проголосовал. Все послушно подняли руки «за». В таких делах крайне важен элемент внезапности: предложение внесено, возражать всегда сложнее, чем предлагать. К тому же, никто, кроме Берии с Маленковым, не имел ни согласованной кандидатуры, ни сценария поведения.

Сразу после голосования Маленков предложил Берии своим первым заместителем и одновременно министром объединенного Министерства внутренних дел и государственной безопасности. Присутствовавшие поддержали – Лаврентий Павлович столько лет стоял во главе органов.

Хрущеву предложили «сосредоточиться на работе в ЦК», взять в свои руки Секретариат и одновременно «освободиться от Москвы». Отец не возражал. Обговорили и другие назначения, каждый из присутствовавших получал свою долю властного пирога. Состав Президиума ЦК сократили, вернулись количественно и по составу к состоянию до XIX съезда партии.

С этим пакетом и вышли на открывшееся 5 марта в 8 часов 40 минут вечера совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Сталин еще дышал. На заседании отсутствовал единственный «потенциальный союзник» отца – Булганин, Берия попросил его остаться у постели умирающего на даче. Но это мало что меняло, отец знал: Булганин не борец, он без колебаний станет на сторону победителя, а победитель сегодня – Берия.

Председательствовал на заседании отец, но его председательствование сводилось к предоставлению трибуны выступавшим. Именно в такой роли Берия хотел бы видеть его и в будущем. Отец считал, что председательский колокольчик – еще не власть, но ее символ, символ для всех присутствовавших в зале. На большее пока рассчитывать не приходилось.

Первым с информацией о здоровье, точнее о неминуемой, с минуты на минуту, кончине Сталина, выступил министр здравоохранения СССР Андрей Федорович Третьяков. Его назначили совсем недавно, 27 января 1953 года. До того он служил директором Центрального института курортологии. В министерском кресле Третьяков сменил Ефима Ивановича Смирнова, медика-генерала, прослужившего в армии двадцать лет, дослужившегося до начальника медслужбы Красной Армии. Смирнов к тому времени проработал министром около шести лет, проявил себя хорошим организатором, но Сталин ему больше не доверял. Набирало силу «дело врачей», и Сталин подбирал угодный ему контингент.

«Дело врачей» началось не в январе 1953 года, а за три года до того, с ареста 18 ноября 1950 года консультанта Лечсанупра Кремля, известного всей Москве профессора Якова Этингера. Но добиться от 63-летнего сердечника-профессора нужных показаний, несмотря на допросы с пристрастием, не удалось, в 1951 году он умер в тюрьме, чем сильно прогневал Сталина. Он взял «дело врачей» под личный и жесткий контроль. В октябре 1951 года, после очередного доклада министра госбезопасности С. Д. Игнатьева, Сталин обозвал расследователей «бездельниками», пригрозил, «если не вскроют среди врачей террористов – американских агентов, то Игнатьев окажется там же, где Абакумов...» Предшественник Игнатьева на этом посту, сталинский «выдвиженец» Виктор Семенович Абакумов с 12 июля 1951 года сидел в тюрьме.

«Я не проситель у МГБ, – возмущался Сталин. – Я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут исполняться мои требования. Мы вас разгоним, как стадо баранов...»

В одно из августовских воскресений 1952 года Сталин вновь вспомнил о «врагах-вредителях», затребовал к себе в Волынское Игнатьева и снова остался недоволен, что «дело» зависло, матерно обругал министра, его подчиненных обозвал «бегемотами» и заявил: «Старым работникам МГБ я не доверяю», они «ожирели, разучились работать».

13 ноября 1952 года Сталин снимает с должности заместителя министра Госбезопасности Михаила Рюмина, который, по его мнению, не справился с «делом врачей» и они «все еще остаются не раскрытыми до конца». Почему «дело врачей» так долго «не раскрывалось до конца» сказать трудно, Рюмин и не такие «дела» раскалывал как орех.

Так или иначе, но дело наконец «пошло». 15 ноября 1952 года Игнатьев докладывает Сталину, что к арестованным врачам «Егорову, начальнику Лечсанупра Кремля, личному терапевту Сталина академику Василию Никитичу Виноградову, профессору Василию Василенко, тоже терапевту Лечсанупра Кремля, применены меры физического воздействия».

Тогда же посадили и Моисея Соломоновича Вовси, генерал-лейтенанта, главного терапевта Советской Армии, личного друга министра здравоохранения Смирнова. Того Вовси, который в 1947 году выхаживал отца от воспаления легких. Отец очень переживал его арест, но сделать не мог ничего.

Однако профессора проявили стойкость. 29 ноября 1952 года Сергей Гоглидзе, заместитель Игнатьева, докладывал Сталину, что «до сих пор ни агентурным, ни следственным путем не вскрыто, чья злодейская рука направляла террористическую деятельность Егорова, Виноградова и других».

Сталин рассердился и 1 декабря 1952 года собрал заседание Президиума ЦК, событие по тем временам экстраординарное, текущие дела он решал за обеденным столом или перекладывал их Берии с Маленковым. Там он заявил, что «любой еврей – националист, агент американской разведки. Среди врачей много евреев-националистов. Неблагополучно в органах. Притупилась бдительность».

Через неделю после заседания Президиума ЦК генерала Смирнова отставили от должности. Со дня на день он ожидал ареста. (Смирнов просидел безработным до апреля 1953 года, когда уже после закрытия «дела врачей» его назначили руководить Военно-медицинской академией в Ленинграде.)

С начала 1953 года Сталин уже не просто контролировал «расследование», он направлял его. 13 января 1953 года «Правда» поместила на первой странице сообщение ТАСС об «Аресте группы врачей-вредителей», «раскрытии террористической группы врачей, ставившей своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям СССР». Этот текст Сталин продиктовал Маленкову накануне вечером за обедом в Волынском.

В стране поднялась истерия, сопоставимая с печально памятным тридцать седьмым годом.

Особо бдительные граждане в своих письмах в ЦК и МГБ жаловались на неправильное лечение, доносили на своих участковых врачей, консультантов и даже просто аптекарей. В этом деле отличились и люди заметные, хорошо разбиравшиеся в хитросплетениях власти. Так прославленный маршал Конев в письме Сталину расписывал, как его травили, сживали со света кремлевские и армейские врачи, в том числе, разоблаченный еврей-сионист (Конев употребил выражение поглубже) бывший профессор Вовси. Сам я письма, естественно, не видел, но отец об этой гнусности рассказывал неоднократно. Сталин попросил Маленкова зачитать письмо на очередном обеде в Волынском, внимательно слушал, в наиболее «сильных» местах похлопывал по белой скатерти стола ладонью. Когда прозвучала фамилия Вовси, он в сердцах стукнул по столу кулаком, да так, что посуда подпрыгнула.

В последующие годы при встречах с маршалом Коневым отцу каждый раз вспоминался уставленный посудой стол, Маленков, без выражения бубнящий текст письма, и Сталин, прихлопывающий ладонью по столу.

В разыгрывавшемся Сталиным сценарии курортологу Третьякову отводилась важная роль разоблачителя «коварных методов сионистских убийц в белых халатах», покушавшихся на жизнь его, сталинских, соратников. И вот теперь министра Третьякова не могла не преследовать мысль: не спишут ли на него смерть Сталина. О том же беспокоились и врачи у постели больного, они, по свидетельству отца, боялись к нему даже притронуться.

В сообщении Пленуму ЦК Третьяков почти слово в слово повторил уже опубликованный в «Правде» бюллетень: температура, давление крови, дыхание Чейн-Стокса.

Дальше все пошло по составленному Берией сценарию. Отец предоставил слово Маленкову. Георгий Максимилианович произнес несколько общих фраз об ответственности перед страной в сложившейся обстановке, о необходимости консолидации власти.

Маленков покидает трибуну, и отец приглашает следующего оратора, Лаврентия Павловича Берия, предложившего временно назначить Главой правительства СССР вместо еще не умершего Сталина – Маленкова.

– Правильно! Утвердить, – привычно поддержали Берия присутствовавшие.

Им, людям опытным, все стало ясным: Берия – Маленков или Маленков – Берия и, скорее всего, Хрущев – вот на сегодняшний день ядро нового руководства страной. В противном случае и выступали бы другие люди, и в председательском кресле сидел иной человек.

В 8 часов 40 минут вечера 5 марта 1953 года, в зал вошел дежурный и что-то прошептал на ухо сидевшему рядом с отцом Берии. Тот кивнул головой и в свою очередь зашептал на ухо отцу: «Сталин плох, надо поспешить в Волынское, через час-полтора уже будет поздно».

Хрущев, не объясняя причин, объявил перерыв на два часа, до одиннадцати ночи.

Члены нового, пока еще не избранного Пленумом, Президиума ЦК поехали на дачу Сталина. Они едва успели, в 9 часов 50 минут вечера по московскому времени Сталин испустил дух.

Отец вспоминал, что в тот момент он прослезился – каким бы Сталин ни был, но они столько лет проработали бок о бок. Влажно блестели под пенсне глаза у Молотова. Об остальных ничего сказать не могу, не знаю. Совсем иначе, несообразно скорбной минуте, повел себя Берия.

– Ну всё? – нетерпеливо он допытывался он у врачей. Услышав ответ «Всё», Берия бросил через плечо Маленкову:

– Поехали, – и, не оглядываясь на покойного, направился к двери. – Хрусталева,¹² машину, – на ходу ликуя прокричал он.

Дверца бронированного ЗИС-110 смачно чмокнув, захлопнулась. (Я процитировал воспоминания, присутствовавшей там дочери Сталина, Светланы Иосифовны.)

Поехал власть брать – показалось тем из присутствовавших, кто не знал, что власть Лаврентий Павлович взял уже около часа тому назад.

В Кремль все вернулись около одиннадцати часов, и заседание возобновилось. После информации Хрущева о фактической смерти Сталина переутвердили Маленкова уже в качестве постоянного главы правительства.

Дальше все пошло как по писаному: Маленков информирует, именно информирует, собравшихся о решениях, принятых накануне на втором этаже сталинской дачи и подтвержденных на послеобеденном собрании в кремлевском кабинете Сталина.

Он говорит о необходимости объединения министерств, сокращении их числа и назначении министрами людей авторитетных и в партии, и в народе. Тут же объявляет о своем первом заместителе – Лаврентии Павловиче Берии, который одновременно возглавит два объединенных министерства: внутренних дел и госбезопасности. Затем назначают еще трех первых заместителей главы правительства: Молотова, Булганина, Кагановича и трех просто заместителей: Микояна, Сабурова и Первухина. Министр иностранных дел – Молотов, министр Вооруженных сил – Булганин. Упразднили Бюро Президиума ЦК, а сам Президиум ужали до привычных одиннадцати человек со старыми узнаваемыми фамилиями: Сталин, Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин. Именно в таком порядке, а не по алфавиту перечислили тогда десять главных властителей страны. Стоявшего в списке первым Сталина Маленков, запнувшись на мгновение, естественно, не назвал. Отец значился в середине, пятым, не только после Маленкова и Берии, но пропустил вперед недавних аутсайдеров: Молотова и Ворошилова. Так представлял себе новый расклад власти, составивший этот список Берия. Кандидатами в члены Президиума ЦК стали: Мир-Джафар Багиров (1-й Секретарь ЦК Компартии Азербайджана, человек Берии), Николай Шверник (глава ВЦСПС), Леонид Мельников (1-й Секретарь ЦК Компартии Украины), Николай Пономаренко (1-й Секретарь ЦК Компартии Белоруссии). Впрямую сторонником отца не мог считаться ни один из них, даже Мельников.

В 1949 году отец предложил Мельникова в качестве преемника, но потом разругался с ним по еврейскому вопросу. После XIX съезда партии, став членом расширенного Президиума ЦК, Мельников развернул на Украине антисемитскую кампанию. Он уволил многих близких к отцу евреев, в том числе и профессора Фрумину, которая в начале войны вылечила меня от туберкулеза сумки бедра. Фрумина написала отцу. Отец позвонил Мельникову, но тот ответил ему грубостью, да такой, что отец больше и слышать о нем не желал.

Обновили и секретариат ЦК. В дополнение к «старым» секретарям: Сталину, Хрущеву, Маленкову, Аверкию Аристову, Николаю Михайлову и Суслову, избрали Семена Игнатьева – вчерашнего министра госбезопасности (они недавно вместе с Маленковым по приказу Сталина оборудовали специальную, «партийную», тюрьму), Николая Шаталина – бывшего заместителя Маленкова по Управлению кадров ЦК и Петра Поспелова, одного из сочините-

¹² Полковник Хрусталева – начальник охраны Сталина.

лей краткой биографии Сталина. Ни «старые», ни «новые» секретари до этого с отцом тесно не соприкасались и по складу мышления в соратники к нему вряд ли подходили.

Одновременно из Секретариата ЦК убрали бывших секретарей обкомов-практиков: Леонида Брежнева, Николая Игнатова, Николая Пегова и Пантелеймона Пономаренко, людей, на которых отец теоретически мог рассчитывать.

Формирование нового, послесталинского руководства страной заняло около часа, вскоре после полуночи Пленум ЦК свою работу закончил.

Через десять дней, 14 марта, новый Пленум ЦК еще раз перетряхнет Секретариат ЦК, оставит в нем кроме отца одних аппаратчиков-маленковцев: Игнатьева, Поспелова, Суслова и Шаталина.

Внешне казалось, что Берия учел все. Все, кроме того, что с уходом Сталина не просто поменялись таблички на дверях кремлевских кабинетов. Члены ЦК, казалось бы, покорно поддерживали все «инициативы» Берии, но в душе они не желали более жить по установленным «хозяином» правилам, когда и секретарь обкома, и министр, и маршал (они составляли большинство в ЦК) трепетали перед любым майором из органов госбезопасности, а само его майорское звание приравнивалось к генеральскому. Перспектива по мановению руки Берии превратиться в «лагерную пыль» их тоже не устраивала. От них, от членов ЦК сейчас зависело по какому пути пойдет страна. Они подспудно ощущали свою силу, но одновременно на них давил страх. Сами они не решились бы на сопротивление, но с охотой поддерживали бы того, кто попробовал бы восстать против всеисилия органов и вседозволенности оперуполномоченных.

Вместе они составляли внушительную силу. Но в обществе, пронизанном нервными волокнами органов, в обществе, где жизнь каждого, включая и членов Президиума ЦК, контролировалась теми же органами, их силу не следовало и переоценивать. Весной 1953 года отдай Лаврентий Павлович приказ, и все они добровольно и безропотно проследовали бы в «приемный покой» Лубянки, переоделись в тюремные одежды, дали показания и отправились бы превращаться в «лагерную пыль».

В том, что все так и произойдет, мало кто сомневался. Вот только когда? И еще надеялись, что может, меня грешного минует чаша сия? Так они жили при Сталине. Так же, считали, будет и при Берии. Но Берия – пока еще не Сталин.